

Л. П. Морина

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ» В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРС-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена исследованию теоретических источников и путей эволюции концепта «политическое» в современной дискурсивной аналитике. Автор прослеживает трансформацию данного концепта, отталкиваясь от идей основоположников дискурс-анализа, выявлявших властные интенции языка, а также от идеи М. Фуко о заданности позиций субъекта дискурсом. Концепт «политическое» получает развитие и приобретает дополнительные элементы значения в работах Р. Барта, П. Бурдьё, М. Пешё и многих других. Автор приходит к выводу, что классическое определение политического как сферы действия политических институтов и их идеологий в современной культуре не является всеобъемлющим. В дискурсивной аналитике утверждается новое, неклассическое понятие политического, отличительной чертой которого является предельное расширение означаемого до его фактического отождествления с социокультурной реальностью, конструируемой дискурсивными средствами. Такое «политическое» порывает связь с онтологией и утверждает себя в идеологической сфере дискурса. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: политическое, идеология, дискурс-анализ, современная культура.

L. P. Morina

CONCEPT “THE POLITICAL” IN CONTEMPORARY DISCOURSE ANALYSES

The article reviews theoretical study of the sources and the evolution of the concept “the political” in contemporary discourse analysis. The author traces the transformation of this concept, starting from the ideas of the founders of discourse analysis who revealed the power intentions of the language and the Foucault idea of determination of the subject by discourse. The concept “political” takes on added value elements in the works of Barthes, Bourdieu, Pesce and many others. The author sets forth the statement that the classical definition of the political as the scope of political institutions and there ideologies in modern culture is not totally comprehensive. A new, relatively non-classical, concept of the political is seen to emerge in discursive analysis. That has the extremely extended signified correlated with the socio-cultural reality which is constructed by discursive means. Such “political” breaks the link with the ontology and finally asserts itself in the contingent sphere of discourse. Refs. 8.

Keywords: political, ideology, discourse analysis, modern culture.

В современной литературе существует множество определений понятия «дискурс». Очевидно, что среди них преобладают лингвистические варианты, поскольку генетически дискурс восходит к языку и тексту. Однако он достаточно быстро преодолел границы лингвистики и стал объектом междисциплинарных исследований. Сегодня о своих «дискурсивных правах» заявляют культурология, психология, социология, этнология, семиотика, философия и политология. По мнению П. Сериио, «вопрос о дискурсе явился подлинным узловым пунктом сплетения фундаментальных вопросов об отношениях между языком, историей и субъектом» [1, с. 33].

Морина Лариса Павловна — доктор философских наук, доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9; mlp207@yandex.ru

Morina L. P. — Doctor of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mlp207@yandex.ru

Существуют общеупотребительное и научное понятия дискурса. В первом случае имеют в виду речь, структурированную посредством соответствующих паттернов, например «медицинский дискурс», «экономический», «политический» и т. д. Во втором случае обращаются к философской традиции структурализма, постструктурализма и дискурс-аналитическим исследованиям.

Для того чтобы показать специфическую проблематику дискурсивной аналитики, необходимо вкратце осветить ее предысторию. Теория дискурса («материалистическая теория дискурсивных процессов») впервые разрабатывается М. Пешё в 1969 г. (с опорой на «главный тезис» Л. Альтюссера) [1, с. 256–257]. К этому же времени относится и оформление дискурсивного анализа как самостоятельной дисциплины, хотя сам термин «дискурс-анализ» (*discourse analysis*) возникает раньше и присутствует уже в 1952 г. в одноименной статье Зеллига Харриса. Концептуально дискурс-аналитика опирается на идеи Ф. Соссюра, М. Бахтина, Ж. Лакана, Л. Витгенштейна, Ж. Дерриду, Ю. Кристеву, а также Р. Барта и М. Фуко.

Большое значение для формирования направлений дискурс-анализа имели концепты «власти» и «дискурса», разработанные М. Фуко. В «археологический» период творчества он вводит понятие «дискурсивная формация» и определяет дискурс как группу высказываний, ограниченных системой правил и относящихся к одной формации. Для Фуко было важно зафиксировать «историческое априори», делающее возможным конкретное высказывание и задающее «режим» знания. В «генеалогический» период он разрабатывает концепцию власть/знание и определяет власть, в том числе власть дискурса, как продуктивную силу, конституирующую знание, субъекта, отношения между ними и задающую параметры/позиции субъектности.

Обозначая теоретические источники дискурс-анализа, авторы, как правило, упускают значимые идеи Р. Барта, а именно его понятия «политическое» и «концепт», которые оказались важными звеньями в политологической ориентации дискурсивной аналитики. Так, у Барта, означаемое понятия «политическое» получает предельное расширение и практически отождествляется с силовым полем межсубъектного взаимодействия. В главе «Миф как деполитизированное слово» он пишет, что *реальность всегда политизирована* и любой, даже самый естественный, предмет содержит в себе след политики, хотя бы слабый и нечеткий, ибо «в нем присутствует более или менее ясное воспоминание о действиях человека, который произвел этот предмет или приспособил, использовал, подчинил или отбросил его» Поэтому и «политику надо понимать, конечно, в глубинном смысле, как совокупность человеческих связей, образующих реальную социальную структуру, способную творить мир» [2, с. 112]. Там, где происходят реальные события, «высвобождается политический заряд». Отсюда и «деполитизация» понимается как «операциональный акт» элиминирования человеческого присутствия, устранения «сложности человеческих поступков» в тех или иных феноменах культуры [2, с. 115–116].

К теоретическим источникам следует отнести также идею «символической власти» П. Бурдьё — невидимой и опирающейся на абсолютное неведение тех, на кого она распространяет свое влияние. Власть — этот своего рода «крут, центр которого находится повсюду и нигде». Ее «нужно уметь обнаружить там, где она менее всего заметна, где она совсем не узнана, следовательно — признана» [3, с. 89].

Власть символических систем — структурирующая, так как она структурирует реальность, «устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности — чувство социального мира)». Дюркгейм называл это «логическим конформизмом», т.е. «гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами» [3, с. 90]. Таким образом, символы являются инструментами «социальной интеграции», поскольку «делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира» [3, с. 92], но они также являются способами социального насилия, посредством которых легитимируется социальный порядок и социальные иерархии. Для обозначения способа их действия Бурдьё вводит понятие «символическое насилие».

Дискурсивная аналитика представлена множеством направлений и персоналий. Более корректно было бы говорить скорее о некоем поле исследований, чем о единой дисциплине, имеющей методологическое и концептуальное единообразие. Существуют значительные расхождения в понимании границ дискурсивного поля, функций дискурса, а также степени его влияния на социальную реальность. Тем не менее существует также объединяющее их основание: все авторы являются «политологами» дискурса, поскольку акцентируют властный аспект речевых практик и исходят из следующих общих для них посылок. Во-первых, по их убеждению, реальность опосредована дискурсом и не может быть рассмотрена вне такового. Но это вовсе не означает, что реальность как таковая, вне дискурса, не существует — речь идет о том, что она приобретает свои значения лишь в дискурсе. Во-вторых, социальный мир условен и представляет собой совокупность артикуляций. В-третьих, все авторы соглашаются с *принципом конструкционизма*, утверждающим дискурсивную природу социальной реальности. Надо сказать, что в этом пункте выявляется диапазон оценок *степени* дискурсивной конструируемости социального — от умеренного конструкционизма (Н. Фэркло), допускающего обусловленность социального как дискурсивными, так и недискурсивными практиками, до радикального (Э. Лакло и Ш. Муфф), утверждающего социальное как всецело дискурсивный продукт.

Среди наиболее последовательных постструктуралистов в дискурс-анализе называют Э. Лакло и Ш. Муфф. Дискурс осмысливается ими как некое структурное единство, возникающее в результате артикуляционной практики вокруг «узловых точек» («nodal points»), или смысловых центров. Являясь результатом такой фиксации, дискурс обладает временной устойчивостью и пребывает в постоянной конкурентной борьбе с другими дискурсами за право формировать социальный мир с помощью значения. При этом под дискурсивным феноменом следует понимать не только язык. В работе «Гегемония и социалистическая стратегия» (переиздание 2001 г.) в качестве ключевого элемента своей теории они утверждают понимание социального как дискурсивного поля [4, с. х]. Имеющая здесь место тотализация дискурсивности фактически означает генерализацию языковых, семиотических процессов, проявляющихся в различных сферах социокультурного бытия. Так, социальные институты, способы организации физического пространства, социальные действия, поведение и т. д. — вся социальная жизнь разворачивается, артикулируется как язык, в котором утверждаются/изменяются значения. «Дискурс — это форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира» [5, с. 24].

Н. Фэркло, являющийся представителем «критического дискурс-анализа», в ряде своих работ («Дискурс и социальные изменения», «Критический дискурс-анализ», «Медиа-дискурс», «Дискурс современности» в соавторстве с Л. Чоулиараки [6]) выявляет и описывает три функции конструирующего дискурса: идентичности, отношений и означивания. Он также вводит дополнительный его аспект — *конструируемость*. Дискурс не только конструирует отношения власти, идентичности и значения, но сам является конструируемым, поскольку формируется другими социальными практиками и институтами. Фэркло и Чоулиараки, в отличие от Лакло и Муфф, не придерживаются идеи дискурсивной тотальности; по их мнению, в социальной структуре существуют как дискурсивные, так и недискурсивные элементы. К числу последних относятся все физические практики (экономические, биологические, психологические), а собственно дискурсами являются только многообразные варианты использования языка в социуме.

Дискурс-анализ, сформированный в социальной психологии, расставляет иные акценты. Основываясь на идеях позднего Л. Витгенштейна, дискурсивные психологи (М. Биллиг, Дж. Поттер, М. Уетерелл и др.) отказываются от изучения абстрактных структур языка и утверждают, что высказывание всегда *конкретно ориентировано и ситуативно о-значиваемо*. Языковые действия встроены в социальный контекст, и потому их значение зависит от употребления. Критикуя когнитивный подход, анализирующий штампы, сценарии и категоризации мышления как некие внеисторические структуры, Биллиг утверждает, «что наши способы понимания и категоризации мира не универсальны, а исторически и социально специфичны, т. е. условны» [5, с. 168]. Соответственно понятие дискурса в рамках данного направления обретает дополнительные значения: дискурс наделяется динамичными характеристиками и определяется как ситуативное использование языка.

Таким образом, несмотря на значительные расхождения между течениями дискурс-анализа, общая цель их исследований состоит в выявлении *механизмов* конструирования социальной реальности, будь то идентичности, способы категоризации или аттитюды (оценочная позиция в дискурсивной психологии). Для всех направлений дискурсивной аналитики важно исследовать, *как* осуществляется это конституирование, *каким образом* приписываются те или иные значения и *какие* социальные последствия это вызывает.

В социокультурном пространстве именно дискурсы наделяют актора позицией субъектности, о чем свидетельствовал уже Фуко. «Предпосылка анализа заключается в том, что дискурсы, представляя действительность особым образом... конституируют субъекты и объекты, создают границы между истинным и ложным, и делают некоторые типы действия уместными, а другие невозможными» [5, с. 236]. Дискурс задает не только способ мышления, но и определяет нашу самость. Говорить — значит занять позицию субъекта и подчиниться структурирующим законам дискурса, дабы участвовать в коммуникации и быть понятым другим субъектам. Кэмерон утверждает, что «нам не следует думать, что люди говорят определенным образом, потому что они такие, какие они есть, скорее они такие, какие они есть потому, что они (среди всего прочего) говорят именно так, как они говорят». А Батлер — что «люди — это те эффекты, которые они производят, когда говорят или действуют» [5, с. 101–102]. Д. Матисон выражается терминологически более точно, когда определяет идентичность как политический феномен: «...социальный

и культурный феномен, — этонечто, что *возникает* во взаимоотношениях с другими людьми и социальными структурами... Следовательно, это феномен *политический* (курсив наш. — Л. М.)» [7, с. 93].

Политизированная идентичность противостоит классическому ее пониманию как внутренней сущности, некоей глубинной структуры, разворачивающейся в интерактивном пространстве и связанной с самосознанием субъекта. «С принятием относительного представления о “Я” как о распределенной сущности, исследование смещается от изучения изолированных людей и групп к изучению процессов производства значения в социальном взаимодействии» [5, с. 223]. Такова позиция *антиэссенциализма* дискурсивной аналитики, которая может быть выражена формулой: «идентичность — это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса» [5, с. 84]. В прикладном аспекте это может быть выражено так: в рамках дискурса идентичность выстраивается благодаря «цепочке эквивалентностей», или «кластера значений» с «ключевым знаком» (Лакан) в центре. Например, для «ключевого знака» «мужчина» в традиционном дискурсе «цепочка эквивалентностей» будет выглядеть следующим образом: «сила» — «логика» — «инициатива» — «свобода» и т. д. Поскольку дискурс является императивной поведенческой калькой, то дабы быть *настоящим* в рамках социальных отношений, необходимо соответствовать значениям, заложенным в дискурсивной цепи.

А поскольку утверждается также, что «все значения изменчивы и все дискурсы — условны» [5, с. 174], а люди действуют в различных дискурсивных ситуациях, то соответственно изменчивы и нестабильны их идентичности. На наших глазах происходит «рождение» новой модели идентификации — мобильной и ироничной, подверженной конъюнктурным колебаниям, что вызывает к жизни и соответствующие языковые клише — «потреблять идентичность» или «занимать позиции идентичности». Это, в свою очередь, позволяет определить управление идентичностями как политический процесс. Именно в таком ключе Матисон пишет о *политической власти молодежных журналов*, которые, выстраивая определенный дискурс, например «сексуализирующий», производят корректировку гендерных понятий и формируют соответствующие идентичности. «Такое понимание власти подчеркивает условность нашего социального мира. Именно власть создает наши знания, наши идентичности и определяет то, как мы относимся друг к другу, будучи группами или индивидами» [7, с. 74].

Политическое влияние дискурса распространяется не только на воспринимаемую социальную и психологическую реальность, но также и на бессознательное. Если классический психоанализ, идущий от З. Фрейда, рассматривает социальные действия как проявление внутренних психических импульсов, то дискурс-анализ в социальной психологии оборачивает причинно-следственные отношения таким образом, что бессознательное становится продуктом дискурсивных практик. Коль скоро вытеснение и подавление желаний происходит в рамках общения, то, как утверждает Биллиг, концепт «диалогическое подсознание» («dialogic unconscious») возникает вполне закономерно [8, с. 4]. Фрейд, по его мнению, оставил пробел (the gap) в центре своей теории, поскольку не высказал (хотя и подразумевал) ключевую идею о влиянии речевых практик на формирование подсознания. По поводу собственного подхода Биллиг пишет, что он «рассматривает подавление как нечто, конституируемое скорее социально, чем биологически. Можно сказать, что

оно конституируется идеологически, поскольку то, что люди в конкретный период истории *не* должны говорить, — касается идеологий» [8, с. 10]. Социально обоснованные табу на некоторые темы — утверждение одних представлений о мире и исключение других — принуждают субъекта принимать ту или иную дискурсивно заданную позицию. Таким образом, «диалогическое подсознание» формируется как идеологический феномен и наделяется характеристиками условности и дискурсивной конструируемости.

Политический аспект дискурсивного конструкционизма предполагает не только то, как дискурсы, циркулирующие в обществе, порождают социальные феномены, но также *каковы* взаимоотношения между самими дискурсами внутри единого социокультурного пространства. На эти вопросы частично отвечает Фэркло, используя введенный Пешё концепт «интердискурсивность». По его мнению, комбинирование дискурсов в артикуляциях (конкретных дискурсивных практиках) является, во-первых, механизмом порождения новых значений, а во-вторых, фактором социокультурных изменений. В первом случае речь идет о формировании нового дискурса в результате взаимодействия нескольких других. Во втором — о воздействии результирующего дискурсивных трансформаций на сферу социального. На примере анализа текстов объявлений о приеме на работу Фэркло показывает, как проникновение «консьюмеристского¹ дискурса» в традиционный академический трансформирует сначала структуру базового дискурса, а затем задает параметры новых отношений в рамках университета. Здесь можно вспомнить замечательную мысль Ю.М. Лотмана, высказанную гораздо раньше в ряде его работ, о том, что усваиваемые культурой извне тексты несут в себе нормирующие коды и собственный «образ аудитории» (некую свернутую программу). Если применить интердискурсивный инструментарий к анализу современных социокультурных процессов, то мы обнаружим «рейдерские» притязания различных дискурсов, не только «консьюмеристского», но, также информационно-технического и иноязычного-штампового.

Показательно, что спираль политической мысли на новом витке обращается к рабочим марксистским терминам, таким как «идеология» и «гегемония», переживающим своего рода концептуальную реинкарнацию в современной науке. В основе дискурсивного анализа, по мысли его основоположника Пешё, лежит связь между речевой деятельностью и идеологией. Дискурс выступает в качестве материального тела идеологии, точнее, «в дискурсе находит материальное выражение контакт между идеологической и языковой сферами». Э.П. Орланди конкретизирует: «В своих истоках анализ дискурса связан со сферой политики, вернее... преследует цель “понять текстовые формы политических репрезентаций”» [1, с. 197–198]. Однако понятие «идеология» в дискурсивном анализе отличается от своего аналога в общественных науках. Рассматриваемый нами вариант близок по смыслу к «историчности» и «контексту» и мыслится скорее в семиологическом ключе. Идеология не связана с классовым сознанием, но представляет собой «принуждение к интерпретации» и проявляется «в принуждении к *одной* из возможных интерпретаций, которая всегда представляется как *единственная* интерпретация» [1, с. 207].

Как бы ни определяли власть и политику, они всегда образуют единое целое. Коль скоро политическое отождествляется со сферой социального конструирования,

¹ От англ. *consume* — ‘потребительский, рыночный’.

то и политика предстает как глубинная деятельность по организации социального. Так, «гегемонный дискурс» формирует относительно устойчивые значения, которые исключают другие варианты, а политика реализует эти значения в социокультурном пространстве. Она «относится к *способу* (курсив наш. — Л. М.), с помощью которого мы постоянно конструируем социальное, и этот способ исключает другие способы конструирования» [5, с. 72]. Сама политика, таким образом, становится дискурсивным феноменом, а социальная организация — результатом непрерывных политических процессов, задаваемых дискурсивно.

Политика как деятельность по трансформации социального противостоит «историческому результату политических процессов и борьбы», так называемому осадочному дискурсу [5, с. 73]. Формирование структурной целостности и закрытости, выстраивание границ дискурсивной области (исключение иных возможных вариантов значений) маркирует статус объективности. Объективность утрачивает следы политической конструированности и натурализует отношения власти таким образом, что они воспринимаются как природная данность. Представления о мире подменяют собой мир: существует целый спектр идеологически замаскированных «само собой разумеющихся» или «здоровых» суждений и взглядов, разоблачением политического смысла которых, в частности, и занимается дискурсивная аналитика.

В стабилизации социального большое значение имеет «гегемония» (механизм организации согласия, по А. Грамши), которая осуществляет утверждение единой смысловой системы координат и подавление альтернативной точки зрения. Именно такое производство значения является необходимым и ключевым элементом упрочения властных отношений. Поэтому, согласно концепции Лакло и Муффа, объективность неизбежно идеологична. Но поскольку дискурсы переменчивы, а политика является непрерывным процессом, то происходит чередование фаз объективной стабильности и политического конфликта. Так, политическая борьба становится выражением конкуренции конструирующих социум дискурсов, а временное упрочение «гегемонного дискурса» означает победу в политической борьбе.

Как мы выявили, в рамках нового видения, социокультурная реальность предстает как результат взаимодействия конфликтующих дискурсов, приводящих к «сверхдетерминированности» и «фрагментированности» (Лакло и Муфф) субъекта. Не остается соответственно и парадигмы, или типизирующей макроструктуры организации социума, — ее заменяет временная устойчивость гегемонного дискурса, победившего в конкурентной борьбе. Разворачивающаяся в дискурсивном пространстве борьба за значение является, фактически, аналогом политической борьбы за власть.

Таким образом, в современной гуманитарной науке концепт «политическое» претерпевает значительные трансформации. Несмотря на то что его означаемым по-прежнему являются властные интенции и практики, можно говорить по крайней мере о двух вариантах его интерпретации в гуманитарной науке. Классическое прочтение «политического» соотносит его со сферой деятельности политических институтов и их идеологий. Неклассическое — на примере дискурсивной аналитики — с дискурсивным управлением социального, будь то формирование потребительской/гендерной идентичности в гляцевых журналах или реакций/оценки событий в новостных блоках СМИ. Такое «политическое» порывает связь с онтологией и окончательно утверждает себя в «контаминированной универсальности»

(«contaminated universality» Лакло [4, с. xi]) дискурса.

Литература

1. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и порт.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио, предисл. Ю. Степанова. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
2. Барт Р. Избранные произведения. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. London; New York: VERSO. 2001. 198 p.
5. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.
6. Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh University Press, 1999. 168 p.
7. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. 264 с.
8. Billig M. *Freudian Repression. Conversation Creating the Unconscious*. Cambridge University Press, 2004. 300 p.

References

1. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskurs [Area sense: the French school of discourse analysis]*. Transl. from French. & Portug. Ed. by P. Serio. Moscow, Progress Publ., 1999. 416 p. (In Russian)
2. Bart R. *Izbrannyye proizvedeniia. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. The poetics]*. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (In Russian)
3. Burd'e P. *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]*. Moscow, Institute of experimental sociology Publ.; St. Petersburg, Aleteya, 2007. 288 p. (In Russian)
4. Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. London; New York, VERSO Publ., 2001. 198 p.
5. Iorgensen M. V., Fillips L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriia i metod [Discourse Analysis as Theory and Method]*. Trans. from English. Kharkiv, «Humanitarian Center» Publ., 2008. 352 p.
6. Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh University Press, 1999. 168 p.
7. Matison D. *Media-diskurs. Analiz media-tekstov [Media Discourses: Analysing Media Texts]*. Transl. from English. Kharkiv, Gumanitarnyi Tsent, 2013. 264 s.
8. Billig M. *Freudian Repression. Conversation Creating the Unconscious*. Cambridge University Press, 2004. 300 p.

Статья поступила в редакцию 8 июня 2015 г.